

давались военному губернатору области, который и выдавал свидетельство о переходе в российское подданство.

Поскольку китайцы проживали компактно, вне российских поселений, им не удавалось собрать всех необходимых бумаг для смены подданства. В то же время крупные европейские и американские предприниматели проживали в российских городах, среди русского населения. Юридически их переход в российское подданство облегчался тем, что они выбирали купеческие свидетельства, покупали недвижимость в России (китайцам до 1893 г. покупать землю за рубежом, было запрещено указом богдыхана) и городские управы всегда могли подтвердить время их проживания и занятия торговлей в городе.

Е.А. СТРЕКАЛИНА

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., Иркутская губерния по величине своей площади занимала седьмое место в стране. Землеустройство Сибири было начато лишь в конце XIX в. и было вызвано, с одной стороны, серьезными сдвигами в экономике сибирской деревни, с другой — общими экономическими и политическими задачами правительства, пытавшегося разрешить аграрный кризис в стране.

Регулированием поземельных отношений в Иркутской губернии занималось волостное управление.

Теоретически, как и повсеместно, Сибирские земли принадлежали казне, а распоряжался ею волостной сход. Волостной сход как законодательный орган состоял из выборных должностных лиц:

- волостного головы и старшин;
- помощников старшин или старост;
- сборщиков податей;
- судей волостных судов;
- крестьянских выборных по одному от 10, 50, 100 дворов.

В ведение волостного схода входило:

1. Контроль над сбором и расходом денежных средств.
2. Передел земель.
3. Выборы всех должностных лиц и контроль за их деятельностью.
4. Решение всех хозяйственных и общественных дел волости.
5. Меры общественного признания.
6. Учреждения в волости учебных заведений.
7. Распоряжение запасными магазинами.
8. Принесение жалоб по делам волости.

9. Выдача доверенностей на ведение дел.
10. Раскладка волостных повинностей.
11. Управление воинской повинностью.
12. Прием новых членов.

Дела сходов решались простым большинством голосов. Решение схода являлось законным, если оно составлялось в присутствии волостного головы и выборных от сельских обществ. Его решения записывались в специальную книгу или в книгу «По делам особой важности».

Свою деятельность, волостной сход осуществлял непосредственно на площади перед зданием волостного правления, в холодную погоду в помещении. Н.В. Астырев описывает некоторые сходы, например, по случаю производства полугодового учета денежных сумм, обращающихся в кассах правления. Выборные группировались по 3–5 человек, стараясь разместиться под деревьями. В стороне, у пожарного сарая, у коновязи стояли нераспряженные лошади. Выходил староста со значком на груди. Он выносил денежные книги, где учтены движения денежных сумм с 1 января по 1 июня. Далее происходила перекличка, для кворума присутствующих должно быть более $\frac{1}{2}$ от всего состава схода. Голосовали, расходясь по правую и левую руки от старосты.

Голова объявлял о том, что «...произведен учет денежных сумм, при чем оказалось, что к 1-му января 1881 г. на лицо состояло 643 р. 23 и $\frac{1}{2}$ к., поступило 1024 р. 89 к., за это время израсходовано 1430 р. 65 к. ...» (*Астырев Н.В. На таежных прогалинах. Очерки населения Восточной Сибири. М., 1953. С. 65*).

Отчет принимался практически всегда. Неграмотные в большинстве своем мужики, озабоченные делами своего собственного хозяйства, соглашались с оглашенными цифрами. Чаще всего учет денежных сумм происходил обычно при перемещении начальства, когда новый начальник был заинтересован в знании реального положения денежных дел.

Здесь же решался вопрос о смете, о выделении денег на починку пожарной бочки, определялось жалование десятскому, новому писарю, ямщику и сторожу, попутно общество «выторговывало» с них за назначение приличного заработка 2 ведра водки.

Н.В. Астырев приводит большое количество бытовых деталей, описывает множество типичных характеров, действующих в волостном сходе, описывает механизмы «надувательства» крестьян и приводит примеры интересных ситуаций, красочно рисующих картину этого общественного собрания.

Одной из основных особенностей сибирских условий было достаточное количество земель, поэтому здесь основной стала «захватная» форма их приобретения. Она «...представляет следствие вольного заселения, избыточного свободными казенными землями» (*Сборник постановлений для руководства волостных и сельских правлений. СПб., 1853. С. 25*). Юридически это право не закреплялось, но казна в этом случае должна была с помощью

судебных органов, которыми в то время являлся волостной суд, восстановить свое право на захваченные участки, тем самым как бы признавая общественное владение землей. При судах о земле согласие общества имело решающее значение и «являлось важнейшим доказательством».

На мужскую душу населения здесь к этому времени принадлежало, по учету ревизии, прошедшей в 1858 г., 15 020 десятин земли. Вдова имела $\frac{1}{2}$ нормы без платежа податей. Часть ничейной земли сдавали в аренду в пользу общества, на покрытие общественных нужд. Бобылям землю давали в «чересполосицу», чтобы обрабатывали сами, а не сдавали в аренду. Особенности землепользования в Сибири определили и общинные отношения, сложившиеся здесь.

Однако какое бы не существовало количество земли, постепенно появлялась необходимость выравнивания их в общинно-урavnительной системе. Прежде всего, были поделены заливные луга, сенокосные угодья, затем пашня и в последнюю очередь леса. В Иркутской губернии межевание шло без нормирования, а не константным (постоянным) способом.

Необходимость «поравнять» пашенные земли возникала по многим мотивам, например, по причине сдачи земель в аренду, ухода крестьян в ремесленники. Все это приводило к существованию большого количества мелких земельных отрезков, что было выгодно для зажиточных людей. Им эта плохо уцененная земля сдавалась за полцены. В волостях время от времени рассматривались вопросы «О захвате земель богатыми крестьянами у неимущих», «О запрете на аренду земель у эвенков более чем на 10 лет» (ГАИО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 6), и многие другие, показывающие неблагополучие в этой сфере. Все это требовало время от времени приведения земельных дел в порядок и исполнялось при помощи волостного передела земли, который совершался, как правило, при ревизиях.

Крестьяне имели право на востребование «коренного» передела. По «Общему положению» сход мог принять решение по этому вопросу с согласия $\frac{2}{3}$ крестьян. Сибирские переделы были особенно долгосрочными, периоды их достигали 15 лет.

Сибирское деление происходило по старшинству владения землей, делили ее по количеству на душу. Некачественные земли компенсировали за счет количества.

Для передела выборные люди выходили на место и «совершали договор». Дележ длился недели три. При наличии, например, 6 тысяч десятин земли 20–30 человек десятских с заступами, астрялябией (для восстановления перпендикуляра) и саженью в виде циркуля выходили на поля. Землю делили на столбы примерно 80 на 30 сажень площадью 2 400 квадратных сажень. Исстари 30 сажень по длине была казенная десятина. На питание выборным выделялось по «ассигновке из мирских сумм». «Клинушки» делили меж собой и тут же их пропивали. Десятина стоила 10–15 р., а за водку получалось 7–10 р. Разница была платной «за беспокойство». Неподделенные «клинушки» составляли общественные земли. Все дела-

лось отчетливо, при малейшем недовольстве поднимался ужасный крик и все переделывалось, пока не оставалось ни одного сомневающегося. Крестьянин, таким образом, становился законным владельцем надела и участником в мирских землях своей сотни, своего сельского общества.

В отношении лесной политики межевые работы продолжались в духе закона, изданного в феврале 1894 г., согласно которому лучшие и важнейшие леса должны были отрезаться в пользу казны. Восточносибирский генерал-губернатор в своем отчете за 1899 г. писал: «Изъятие из свободного землепользования обывателей лучших и важнейших лесов, начатое в 1894 г., продолжается по настоящее время. Самое большое количество было изъято в 1895–1896 гг. в Иркутской губернии (3 млн 900 тыс. дес.) и около половины всех лесов (3390 тыс. дес.) в Енисейской губернии» (*Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX–XX вв. Ч. 2. Омск, 1997. С. 204*).

Сходом решались многие другие земельные проблемы. Плата за пользование покотиной раскладывалась на всех по наличию минимального количества скота, добавочным способом прибавляя за «спекулятивный скот»; для леса, находившегося в общинном владении, определялись нормы охранения его от варварского использования (например, отведение одного определенного участка для порубки), и так далее.

Таким образом, можно сказать, что волостной сход и волостное управление решало практически все вопросы, касающиеся поземельного пользования: выделение переселенцам земельных наделов; решение вопросов, касающихся передела земли между крестьянами; контроль за сбор податей за пользование землей, включая подушное обложение и налог с десятины земли; распределение лесных угодий, контроль за проведением различных промыслов. Часто эти вопросы решались без строгого соблюдения законов.

А.И. УВАРОВ

ДАТИРОВКА УСТЬ-ИЛГИНСКОГО МОГИЛЬНИКА (ЖИГАЛОВСКИЙ РАЙОН ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Первые упоминания о могильнике Усть-Илга относятся к 1930 г., когда А.П. Окладниковым на левом берегу р. Лены, в устье р. Илги (левый приток Лены, в 30 км от пос. Жигалово ниже по течению) было обнаружено два погребения (погр. 1 — двойное). Только в 1955 г. впервые приводятся разрозненные сведения об усть-илгинских погребениях (*Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: МИА, № 43. 1955. Ч. 3. С. 19*). Заслуживает внимания уникальность набора погребального инвентаря для столь малого количества погребений (почти полный набор ранней таежной бронзы, антропоморфная личина из костяной пластины и большое количество костяных лат-пластин, целый сосуд с проушиной, большой